

Арто Мустайоки (Хелсинки)

Аспектуальность в теории функционального синтаксиса

Аспектуальность¹ является одной из самых сложных семантических категорий, с которыми имеет дело лингвистика. Очевидно, это вызвано прежде всего тем, что весьма затруднительно различать аспектуальность как семантическую категорию и видовые значения славянских глаголов. В том, что это разные вещи, легко убедиться уже на основе двух фактов: 1) видовые значения глаголов разных славянских языков не совпадают; 2) в русском (и других языках) нетрудно найти предложения (например, 1-3), значение которых не меняется, хотя в них разные видовые формы (ср. Томмола 1986: 15-21). Такие случаи принято называть „конкуренцией видов“ (Шведова 1984) или „динамической ситуацией синонимии“ (Бондарко 1997а: 46; 1998: 55).

(1) *Мы говорили/ поговорили с ним полчаса.*

(2) *Я читал/ прочитал об этом в газете.*

(3) *Огонек то вспыхнет/ вспыхивает, то погаснет/ гаснет.*

Из принципиального различия аспектуальности как семантической категории и формальных видовых значений следуют два вывода: 1) виды глагола могут иметь и неаспектуальные значения; 2) аспектуальность может быть выражена не только глагольными видами. Последний из этих выводов получил немало реализаций в виде работ лингвистов, распространяющих понятие аспектуальности на языки (в частности, финский), в которых основной ее способ выражения – не глагольная категория, а падеж дополнения (Heinämaa 1984, Kangasmaa-Minn 1984, Томмола 1986).

Меньше уделено внимания первому выводу о неаспектуальных значениях глагольного вида. Действительно, кажется, что в изучении славянского вида особенно трудно не считать аспектуальными все видовые значения глаголов. Поступая так, тем самым отождествляют языковые и семантические категории. На это обращал внимание уже Х. Кучера (Kučerа 1984: 171), критикуя аспектологов за морфологический, „интерпретативный“, подход к аспектуальным явлениям. Примером того, что терминология и манера мышления у лингвистов все еще лишены последовательности, может служить аспектологическая анкета семинара филологического факультета МГУ. В ней (Анкета 1997: 140) под цифрой 1.5 приводится вопрос: „Считаете ли Вы вид специфически славянским языковым явлением или одной из частных реализаций универсальной категории аспекта“. Некоторые ученые намекают в своих ответах на неудачную формулировку. Так, Х. Томмола (1997: 206) отмечает, речь должна идти не об „или... или“, а об „и... и“.

¹ Очевидно, термин „аспектуальность“ был введен А. В. Бондарко в работе (1971: 49-55).

В данной статье нами делается попытка конкретизировать различие между аспектуальными и видовыми значениями. Это осуществляется в рамках теории функционального синтаксиса, который представляет собой удобную базу для выявления этого различия, поскольку в нем семантические категории образуют основу для всей модели описания языка. Прежде чем перейти к этой конкретной теме, необходимо коротко представить основные принципы этой модели (более подробно о ней см. Mustajoki 1993, Мустайоки 1997, Chesterman 1998: 67-86).

Задача и принципы функционального синтаксиса

Разрабатываемая в рамках проекта кафедры русского языка Хельсинкского университета концепция функционального синтаксиса (далее – ФС) строится по принципу „от значения к форме“. Как известно, такая идея в лингвистике отнюдь не нова: начиная с Г. фон дер Габелентца (Gabelentz 1891: 97), О. Есперсена (Jespersen 1924: 33) и Л. В. Щербы (1974: 56,333-338) в лингвистике временами возвращались к вопросу о необходимости такого подхода. В течение последних двух десятилетий появился ряд теоретических концепций, основывающихся в той или иной мере на этом принципе (в частности, Адамеца, Бондарко, Dik, Золотовой). В работах (Мустайоки 1993: 68-71, Chesterman 1998: 86-90) рассматриваются основные различия между ФС и некоторыми другими моделями, придерживающимися принципа „от значения к форме“.

Задачу ФС можно сформулировать в виде следующих трех конкретных требований:

1. установить семантические категории, которые образуют основу описания;
2. описать те языковые структуры, которые могут быть употреблены в языке *x* (или в языках *x* и *y*) при выражении установленных семантических категорий;
3. определить возможные ограничения в употреблении этих языковых структур.

Возьмем конкретный пример, а именно - выражение физиологического состояния в русском языке. Соответствующая семантическая ядерная конструкция может быть обозначена следующим образом: [St_{phys}; E] или словами „физиологическое состояние, актантом которого является некий экспериенсер“. При определении этой семантической структуры (4) необходимо отличать ее, например, от эмоциональных состояний (5) и от изменения физиологического состояния (6).

(4) *Мне холодно / Нина в обмороке / Петя болеет / У Тани грипп.*

(5) *Мне радостно / Нина в восторге / Петя сердит / У Тани хорошее настроение.*

(6) *Мне стало холодно / Нина упала в обморок / Петр заболел.*

В русском языке более десяти разных конструкций, обозначающих физиологическое состояние живого существа. Каждая из них имеет ограниченную сферу употребления. Вот некоторые примеры:

*Иван страдает бессонницей / ревматизмом / *раком / *температурой.*

(7) *У Ивана рак / температура / ревматизм / бессонница / *холод / *голод.*

(8) *Мне холодно / больно / тошно / *лихорадочно / *насморочно / *устало.*

(9) *Меня лихорадит / знобит / тошнит / *болит / *холодит / *голодает / *устаёт.*

В традиционном синтаксисе, основывающемся на принципе „от формы к значению“, все приведенные структуры упоминаются и описываются. Разница в том, что там они встречаются в разных частях синтаксиса, а в ФС они приводятся в одной главе, которая называется „Физиологическое состояние“.

Основными принципами составления функционального синтаксиса являются следующие:

1. Семантические категории, которые образуют основу всей модели, должны быть определены как можно более точно. Однако невозможно достичь полной точности.

2. Модель не нацелена на отражение психологической действительности в смысле процесса порождения речи или компетенции носителя языка. Принципиальный отказ от этой цели основывается на двух обстоятельствах. Во-первых, на нынешней стадии науки это практически не реализуемая цель, во-вторых, такую цель вообще целесообразно поставить перед психологами (и психолингвистами), но не перед лингвистами.

3. Универсальность модели сравнительна. Модель не зависит непосредственно от поверхностных структур какого-либо отдельного языка, а должна дать основу для описания или сопоставления различных языков. Однако нет гарантии, что она подходит к описанию всех языков мира.

4. При определении содержательных категорий не ставится целью сокращение их до семантических атомов, или примитивов, которые не могут быть разделены далее. Например, нет необходимости представлять „давание“ как каузацию обладания. При определении „глубины“ описания нужно стремиться к золотой середине. Расщепление значения на избыточное число компонентов делает описание излишне усложненным и не соответствует интуиции носителя языка (который не рассматривает „давание“ как каузацию обладания). Однако чрезмерное внимание к поверхностной структуре означало бы, что принцип „от значения к форме“ утратил бы свою первоначальную идею.

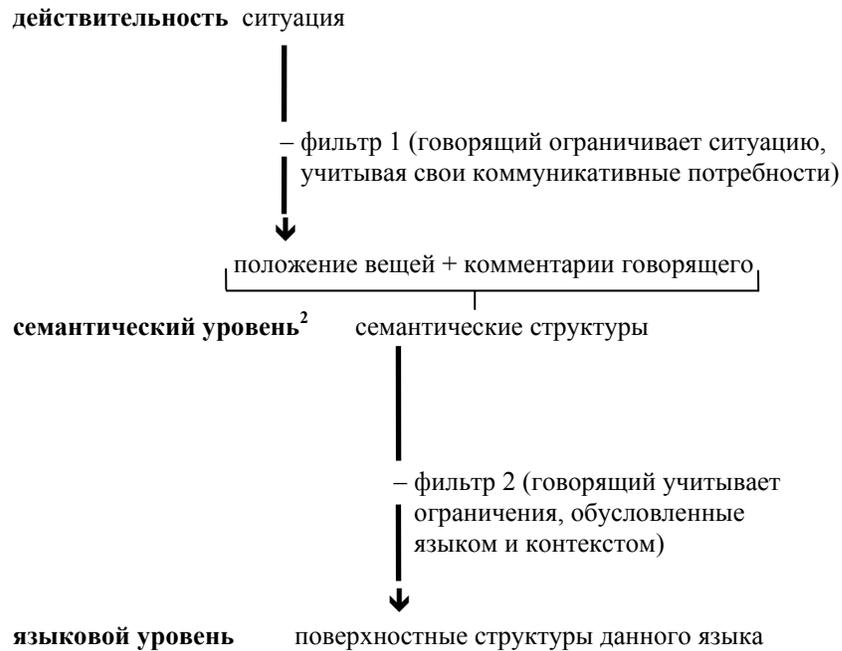
5. Переход от глубинного (семантического) уровня к выражению на уровне поверхностных структур не приводится в виде четких стадий, определяемых правилами перехода. Соответствия между этими двумя уровнями устанавливаются не генеративным, а интуитивным способом.

6. Для тестирования модели не достаточно ее применения к отдельным фрагментам языка, а описание стремится к полноте в том смысле, в каком

существуют традиционные грамматики разных языков. Таким образом, создание „полных“ функциональных синтаксисов разных языков является, с одной стороны, конечной целью проекта, а с другой стороны, способом проверки адекватности модели.

Основные понятия функционального синтаксиса

Чтобы понять и определить положение основного, семантического, уровня, необходимо показать его связь с действительностью и поверхностными структурами языка. Под действительностью подразумеваются в этой связи не только реальный мир, но также любые воображаемые говорящим миры.

² Во время дискуссии после доклада в Граце профессор А. Богуславский предложил употреблять вместо термина семантический уровень² термин „ономазиологический уровень“. Действительно, некоторые лингвисты (см., например, Гак 1985: 12-15, Даниленко 1988: 108) предпочитают этот эпитет, говоря о принципе „от значения к форме“. Однако нам кажется, что термин „ономазиологический“ здесь слишком узок: он связывает то, что говорящий хочет сказать, только с тем, как он именует внеязыковые объекты или ситуации, в то время как семантический уровень должен отражать и отношения, и комментарии говорящего по поводу положения вещей.

Приведенная схема показывает связь семантического уровня с действительностью и речевым уровнем с точки зрения процесса говорения. Как видно, говорящий имеет двоякую роль уже при определении того, что потом получает языковое выражение. Во-первых, он выбирает из бесконечного множества деталей данной ситуации те элементы, которые для него существенны. Во-вторых, он добавляет к этому свои комментарии. При выборе речевого выражения он сталкивается еще с другим фильтром, учитывая такие обстоятельства, как с кем, где и когда он говорит, что было сказано до этого и т. п.

Приведенная схема НЕ показывает порядок работы лингвиста, использующего модель ФС. Лингвист-исследователь не может определить семантические категории на основе ситуаций действительности. Собственно говоря, он сравнительно беспомощен в своей работе, поскольку необходимые для применения этой модели семантические категории находятся в „черном ящике“, в который нет прямого доступа. У лингвиста нет другого выхода, кроме как постараться определить их на основе того, какое выражение они получают в разных языках. Из этого следует, что состав семантических категорий и их взаимные соотношения невозможно фиксировать с полной точностью и окончательностью. Это, со своей стороны, означает, что исследователь, который применяет такой подход, непременно подвергается постоянной критике своих коллег за неправильные решения при определении семантических категорий. Это цена, которую надо заплатить за то, что язык описывается с точки зрения говорящего.

После этого можно еще вернуться к названию модели: почему она называется *функциональной*, хотя основой описания являются не функции, а семантические категории? Тем не менее есть основания употреблять именно термин „функциональный“, поскольку исходным пунктом является то, что говорящий хочет выразить словами: он использует язык в определенной функции для выражения тех или иных значений.

Семантические глубинные структуры имеют следующее общее строение:

Чтобы конкретизировать семантический уровень, рассмотрим фразу *Петр сказал, что он постарается убрать комнату завтра*. В ней *Петр убирает комнату* репрезентирует ядро семантической структуры, состоящее из предиката, обозначающего физическое действие ($A_{c_{phys}}$), и из двух актантов, Субъекта и Объекта. Часть фразы *Петр старается* репрезентирует „компликатор“, а именно модальную фазу, которую можно охарактеризовать метаглаголом ПЫТАТЬСЯ. Кроме того, начало фразы *Петр сказал* является поверхностным выражением „комментатора“, который обозначается на семантическом уровне метаглаголом УТВЕРЖДАТЬ. Таким образом, всю фразу можно считать русскоязычным репрезентантом следующей семантической структуры:

$$\{(Func=УТВЕРЖДАТЬ; S_1) (ModPhase=ПЫТАТЬСЯ; S_1) [A_{c_{phys}}, S_1, O]\}$$

Кроме упомянутых частей, семантическая структура содержит также разные спецификаторы, которые характеризуют предикаты или актанты, а также метасоюзы, с помощью которых описываются связи между положениями вещей. Они – так же как и метаглаголы – выражают определенные значения, которые могут получать разное языковое выражение. Метасоюзы и метаглаголы пишутся прописными буквами, языком их обозначения является на этот раз русский, но мог бы быть и любой другой язык (ср. Chesterman 1998: 80).

Необходимо еще прокомментировать вопрос о синонимичности поверхностных конструкций, соответствующих одной и той же семантической структуре. Как было сказано в работах (Mustajoki 1993: 44-45, Мустайоки 1993: 82), такие случаи толкуется так, что они имеют общую (глубинную) семантику, но выбранная поверхностная конструкция прибавляет к их значению определенный дополнительный нюанс. Согласно этой интерпретации, видовые варианты предложений (1-3) в начале статьи отражают одно и то же положение вещей и связанное с ним аспектуальное значение, но выбор глагольного вида придает им и вторичное значение, возникающее на основе представления об употреблении видов глагола в типовых случаях.³

В целом оглавление ФС имеет следующую общую структуру (в скобках приводятся в качестве примеров метаглаголы и метасоюзы, которые используются при описании данной семантической категории):

³ В своих последних работах А. В. Бондарко уделяет много внимания вопросу о соотношении „глубинных“ и „поверхностных“ значений. Он констатирует, в частности, что „в семантике языковых единиц и категорий могут быть выделены два аспекта: смысловая основа и интерпретационный компонент. Имеется в виду способ представления исходного („глубинного“) смысла (т.е. того смысла, который хочет передать говорящий) в „поверхностных“ значениях, выражаемых средствами данного высказывания“ (Бондарко 1997а: 47, курсив его). В качестве примера он приводит фразы *Он имеет машину* и *У него есть машина*, утверждая (Бондарко 1998: 54), что „эти конструкции имеют один и тот же смысл --- Вместе с тем они отличаются друг от друга языковой интерпретацией смыслового содержания.“ Это соответствует целиком толкованию, принимаемому в ФС.

Ядерные положения вещей⁴

Физические действия
Физиологические состояния
Эмоциональные состояния
Существование и его изменение
Характеризация
Идентификация и т.д.

Расширение ядра (компликаторы)

Каузация (ВЫЗЫВАТЬ, ЗАСТАВЛЯТЬ, УГОВАРИВАТЬ, ПОЗВОЛЯТЬ)
Темпоральная фаза (НАЧИНАТЬ, ПРОДОЛЖАТЬ, КОНЧАТЬ)
Модальная фаза (УМЕТЬ, УСПЕВАТЬ, ХОТЕТЬ, ПЫТАТЬСЯ, БОЯТЬСЯ)

Комментарии говорящего (комментаторы)

Речевые функции (ОБЕЩАТЬ, СПРАШИВАТЬ, ПОБУЖДАТЬ)
Авторизация (СЧИТАТЬ, СЧИТАТЬ ПЛОХИМ, ВЕРИТЬ, ЗНАТЬ)

Спецификаторы

Время
Аспектуальность
Модальность
Определенность
Количество
Место и т.п.

Связи между положениями вещей

Нейтральные отношения (И, ИЛИ, ТО ЕСТЬ)
Таксисные отношения (ТО ВРЕМЯ КАК, А ПОТОМ, ДО ТЕХ ПОР ПОКА)
Логические отношения (ЕСЛИ, ТАК КАК, ЧТОБЫ, ХОТЯ)

Соотношение семантических и языковых категорий:
время versus tempus

Прежде чем перейти к обсуждению аспектуальности, посмотрим сначала, как обстоит дело с ее „соседней“ семантической категорией, с категорией времени. Чтобы различать понятия „семантическое время“ и „грамматическая категория времени“, назовем первую из них *временем*, а последнюю – *темпусом*.

Нельзя сказать, что время – однозначная семантическая категория, которая не составляет проблемы для лингвиста, изучающего ее. Однако

⁴ Как легко можно понять, классификация ядерных положений вещей – одна из самых сложных задач ФС. Представленные их версии нуждаются еще в дополнительной разработке. Из-за этого их список приводится здесь в неполном виде.

основные ее проявления в виде трех понятий – прошлое, настоящее, будущее – сравнительно четко вырисовываются даже в сознании наивного носителя языка. В связи с этим случаи, в которых отмечается расхождение между временем и темпусом, легко узнаваемы. Для этих случаев есть и специальный термин „транспозиция“. Приведем некоторые русские примеры, взятые из КРГ 1989.

	семантика время	форма темпус
(11) <i>Завтра у нас выступает с докладом Умберто Эко.</i>	будущее	настоящее
(12) <i>Еще один неверный шаг – и мы погибли.</i>	будущее	прошедшее
(13) <i>В 1858 г. Ф. Н. Буслаев создает первую историческую грамматику русского языка.</i>		прошедшее
(14) <i>У вас спичек не будет?</i>	настоящее	будущее

Определение аспектуальности: что остается за ее пределами?

А.В. Бондарко (ТФГ 1987: 40-209, Бондарко 1997б:10) дает два толкования аспектуальности, узкое и широкое. Широкое толкование покрывает многие такие категории, связанные с понятием „способ действия“.⁵ Мы придерживаемся узкого толкования аспектуальности, полагая, что нецелесообразно характеризовать одно и то же положение вещей более чем одной чертой аспектуальности. Если, например, начинательность (15), повторяемость/узуальность (16) и фреквентативность (17) считаются аспектуальными категориями, то приведенные пары фраз одинаковы на основе одной аспектологической черты и неодинаковы на основе другой.

(15а) *Петр начал **заниматься** спортом/ **забегал** по двору.*

(15б) *Петр начал **писать** маме письма/ **запел** песню.*

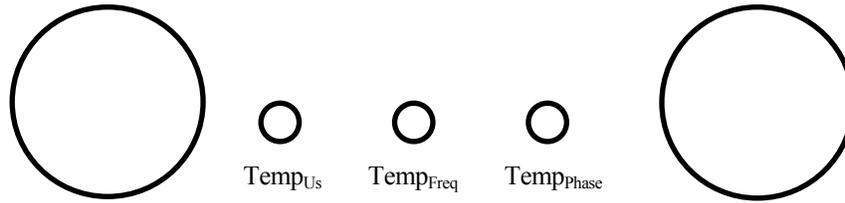
(16а) *Петр часто **гулял** по лесу.*

(16б) *Петр часто **делал** уроки за два часа.*

⁵ Даже если аспектуальность понималась бы широко, нельзя утверждать, что „аспектуальность объединяет в себе две категории: вид и способ действия“ (Цеплинская 1997: 189). Если аспектуальность является семантической категорией, а способ действия – языковой, то между ними такое же соотношение, как и между аспектуальностью и видом глагола: 1) способы действия могут иметь и неаспектуальные (в широком смысле) значения; 2) аспектуальность (в широком смысле) может быть выражена не только способами действия (и глагольными видами). Ср. также Кароляк 1997.

(17a) *Петр пять раз **отдыхал** на юге.*

(17б) *Петр пять раз **дарил** Лизе цветы.*

Согласно нашей интерпретации и терминологии, фазисные, узуальные и фреквентативные значения положений вещей образуют особые подкатегории времени. Нельзя отрицать то, что они характеризуют положения вещей с определенных точек зрения („аспектов“) и имеют, таким образом, похожие на аспектуальность семантические элементы, но несмотря на это целесообразно считать аспектуальностью только основные характеристики предиката положения вещей.

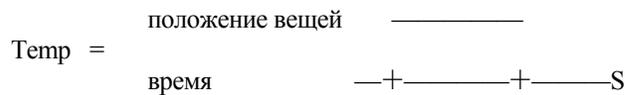
Особо нужно оговорить лимитативное значение, которое обозначается в русском языке приставочными глаголами с префиксами *по-* и *про-*. И здесь легко найти пары фраз, отличающихся друг от друга аспектологически. Фраза (18а) соответствует скорее всего статуальному положению вещей, а (18б) – процессуальному. Очевидно, и лимитативность нельзя считать аспектологическим явлением.

(18а) *Мы **постояли** на вокзале минут десять и вернулись домой.*

(18б) *Мы **погуляли** полчаса.*

(19) *Нина **писала** письмо три часа, а потом забыла отослать его.*

Итак, выражение лимитативного значения в некоторых случаях грамматикализовано в русском языке. Речь идет, однако, об одном из темпоральных значений, которое может быть выражено и без глаголов определенного способа действия (19). Данное значение ограниченного периода может быть описано следующим образом (если действие происходило до момента речи S, + обозначает точки отсчета):

Неаспектуальными можно также считать те случаи, когда видами глагола выражается то, что в ФС обозначается термином „модальная фаза“, а именно умение, свойство делать что-то, что выражается формой несовершенного вида

(20), и способность совершать какой-либо поступок, что выражается формой совершенного вида (21).

(20) *Нина **плавает** быстрее, чем Петр.*

(21) *Нина **решил** любой кроссворд без труда.*

Определение аспектуальности: что она охватывает?

Перейдем к рассмотрению того, что же покрывает категория аспектуальности после введенных ограничений. Для того, чтобы определить аспектуальные разряды положений вещей, рассмотрим ситуацию, которую можно описать фразой *Иван бежал из дому в магазин* (ср. Мустайоки 1993).

Иван был дома > *Иван выбежал из дому* > *Иван бежал* > *Иван прибежал в магазин* > *Иван в магазине*
 ----->
 время

В данном ходе событий различаются фазы трех типов: одни из них являются статическими состояниями (*быть дома, в магазине*), другие же представляют собой поворотные моменты в ходе событий (*выбежать из дому, прибежать в магазин*); что касается фазы бега, то она не относится ни к первому, ни ко второму типу, а указывает на (динамический) процесс.

Итак, в данном случае ход событий состоит из трех основных фаз: *статических состояний* (символ: —) ⁶, *процессов* (>>>>>) и *поворотных моментов*, или кульминаций (*). Описывая действительность, мы уделяем внимание либо только одной определенной ее фазе (а), либо той или иной комбинации фаз (б). На основании этих характеристик различаются *аспектуальные разряды положений вещей*.⁷

⁶ Аспектуальные классы предикатов, или положений вещей, графически изображает, в частности, Ч. Скарбороу-Эксхархос (Scarborough-Exharhos 1979: 85; цитируется по Р. Брехту [Brecht 1985: 10]). Подобно ФС, он различает фазы трех типов: состояния, процессы и цели. Однако его описание аспектуальных классов явно отличается от нашего описания. Так, например, он ставит знак равенства между состоянием, предшествующим процессу, и состоянием, следующим за достижением цели. Мы же считаем необходимым различать данные типы состояний: в первом случае между состоянием и процессом нет прямой связи, между тем как в последнем случае поворотный момент является одновременно и началом нового состояния.

⁷ Как видно, по своей основной идее наша модель напоминает классификацию З. Вендлера (1967; впервые его исследование опубликовано в виде статьи в 1957 г.), которая не была нова как таковая (ср. Mourelatos 1981: 191-194, Chvany 1990: 219), но пользуется большой популярностью среди лингвистов. Одной из проблем при ее применении является то, что исследователи не пришли к единому выводу о том, что

(а) статическое состояние	—————	статуальное положение вещей
процесс	>>>>>>	процессуальное положение вещей
поворотный момент	*	моментальное положение вещей
(б) процесс, направленный на		
поворотный момент	>>>>>(*)	динамическое положение вещей
процесс, достигающий		
поворотного момента	>>>>>*	терминальное положение вещей
поворотный момент, за		
которым последует		
статическое состояние	* —————	результативное положение вещей

Аспектуальные разряды положений вещей можно проиллюстрировать следующими примерами:

(Asp = STAT) —————
 (23) *На улице было холодно. / Мальши был грязный. / У Иры была температура. / Антон спит.*

(Asp = PROS) >>>>>
 (24) *Ира гуляет в лесу. / Антон что-то бормотал про себя. / Ира ездила верхом. / Анна играет на гитаре.*

(Asp = MOM) *
 (25) *Ира чихнула. / Антон наступил на муравья. / Собака прыгнула. / Свет блеснул.*

(Asp = RES) * (—————)
 (26) *Ира уже пришла. / Ивановы купили новую машину. / Антон упал в воду.*

(Asp = TERM) >>>>> *
 (27) *Ира написала диссертацию. / Анна втолкала машину в гараж.*

(Asp = DYN) >>>>> (*)
 (28) *Ира пишет диссертацию. / Анна вталкивает машину в гараж.*

именно он классифицировал: глаголы, предложения, положения вещей или ситуации (ср. Lindstedt 1985: 145). Из русских исследователей классификация З. Вендлера была обсуждена и дополнена в особенности Т. В. Булыгиной (1982) и О. Н. Селиверстовой (1982).

Соотношение аспектуальных и видовых значений

После пояснения наших позиций по поводу семантической категории аспектуальности мы готовы приступить к систематическому описанию того, какие аспектуальные и неаспектуальные значения имеют русские виды глаголов:

аспектуальная семантика	видовое значение	неаспектуальная семантика
	несовершенный вид	
PROS DYN TERM	1. конкретный процесс <i>Вечером мы смотрели телевизор.</i> <i>Нина долго писала письмо маме.</i> <i>Нина писала письмо три часа, а потом забыла отослать его.</i>	Temp = огр. период
TERM RES	2. общефактическое значение <i>Нина уже читала последнюю книгу Пелевина.</i> <i>Он уже приходил сюда?</i>	
STAT PROS DYN TERM RES MOM	3. узуальное действие <i>Любил я часто, чаще ненавидел.</i> <i>Каждое утро я купался в море.</i> <i>По субботам и воскресеньям она писала диссертацию.</i> <i>Такие романы я раньше читал / прочитывал за один день.</i> <i>После поездки он регулярно заболевал.</i> <i>После еды он всегда громко рыгал.</i>	Temp _{Us} Temp _{Us} Temp _{Us} Temp _{Us} Temp _{Us} Temp _{Us}
STAT PROS DYN TERM RES MOM	4. фреквентативное значение <i>Он три раза отсутствовал на уроке.</i> <i>Он три раза играл в теннис.</i> <i>Он три раза решил задачу, но не решил ее.</i> <i>Он три раза писал мне письмо.</i> <i>Он три раза приходил вовремя.</i> <i>Он три раза забывал свой зонтик у нас.</i>	Temp _{Freq} Temp _{Freq} Temp _{Freq} Temp _{Freq} Temp _{Freq} Temp _{Freq}
	5. способность <i>Когда ему было пять лет, он...</i>	

PROS	<i>уже ездил на велосипеде/</i>	ModPhase (УМЕТЬ)
TERM	<i>уже готовил вкусные обеды/</i>	ModPhase (УМЕТЬ)
MOM	<i>уже рыгал как мужчина.</i>	ModPhase (УМЕТЬ)
6. неактуальное (абстрактное) действие		
STAT	<i>Зарплата зависит от качества труда.</i>	Temp _{Abstr}
PROS	<i>Земля вращается вокруг солнца.</i>	Temp _{Abstr}
совершенный вид		
1. конкретный единичный факт		
RES	<i>Нина приедет завтра.</i>	
TERM	<i>Нина написала письмо.</i>	
MOM	<i>Нина подпрыгнула от радости.</i>	
2. наглядно-примерное действие		
PROS	<i>Только ястреб иногда пролетит над</i>	Temp _{Us}
MOM	<i>могилой.</i> <i>Огонек то вспыхнет, то погаснет.</i>	Temp _{Us}
3. потенциальное действие		
TEPM	<i>Нина откроет любую бутылку без</i>	ModPhase (МОЧЬ)
	<i>труда.</i>	
4. лимитативное значение		
STAT	<i>Дети проспали всю ночь.</i>	Temp = огр. период
PROS	<i>После обеда дети погуляли по городу.</i>	Temp = огр. период
5. суммарное фреквентативное значение		
MOM	<i>Он двадцать раз сказал сестре, что не</i>	Temp _{Freq}
	<i>поедет.</i>	

Наконец, можно еще показать в виде (предварительной) таблицы употребление русских видов для выражения разных аспектуальных разрядов.

аспектуальный разряд	вид	условия
STAT	нес. вид	без особых ограничений
	сов. вид	если Temp = ограниченный период
PROS	нес. вид	без особых ограничений
	сов. вид	1) если Temp = ограниченный период 2) если один случай, как пример

DYN	нес. вид сов. вид	без особых ограничений 1) если Temp _{Us}
2) если Temp _{Freq}		
TERM	сов. вид нес. вид	без особых ограничений 1) если констатируется факт
2) если Temp _{Us} 3) если Temp _{Freq}		4) если Temp = ограниченный период 5) если ModPhase = УМЕТЬ
RES	сов. вид нес. вид	без особых ограничений 1) если констатируется факт 2) если Temp _{Us}
	3) если Temp _{Freq}	
MOM	сов. вид нес. вид	без особых ограничений 1) если Temp _{Us} 2) если Temp _{Freq}
3) если ModPhase = УМЕТЬ		

Возвращаясь к параллели с категорией времени, при описании видов русского глагола тоже можно говорить о транспозиции. Это те случаи, в которых один из видов употребляется в значении, обозначенном в таблице пометой „без особых ограничений“, то есть тогда, когда несовершенный вид употребляется в терминальном, результативном или моментальном значениях, а совершенный вид – в статуальном, процессуальном или динамическом значениях.

Выражая признательность всем финским и зарубежным коллегам за ценные замечания по поводу вышеизложенных мыслей, мне хочется тем самым подчеркнуть, что основная цель статьи – показать возможность систематического различения и сопоставления аспектуальности как семантической категории и вида как языковой категории. Однако детали этого подхода требуют еще уточнений. В связи с этим автор будет рад всем комментариям и предложениям.

Литература

- Анкета (1997): Аспектологическая анкета семинара филологического факультета МГУ // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, т. 2, отв. ред. М. Ю. Черткова. – Москва: Изд. МГУ. – С. 140-141.
- Бондарко, А. В. (1971): Грамматическая категория и контекст. – Москва: Наука. – 112 с.
- Бондарко, А. В. (1997a): К вопросу о языковой интерпретации смыслового содержания // *Ars transferendi: Sprache, Übersetzung, Interkulturalität* (Festschrift für Nikolai Salnikow zum 65. Geburtstag). – Hamburg: Peter Lang. – С. 45-54.

- Бондарко, А. В. (1997б): О системе анализа семантики глагольного вида (на материале русского языка) // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, т. 1, отв. ред. М. Ю. Черткова. – Москва: Изд. МГУ. – С. 6-18.
- Бондарко, А. В. (1998): О стратификации семантики // Общее языкознание и теория грамматики (Материалы чтений, посвященных 90-летию со дня рождения Соломона Давидовича Канцельсона). – Санкт-Петербург: Наука. – С. 51-63.
- Булыгина, Т. В. (1982): К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов, отв. ред. О. Н. Селиверстова. – Москва. – С. 7-85.
- Гак, В. Г. (1985): К типологии функциональных подходов к изучению языка // Проблемы функциональной грамматики, отв. ред. В. Н. Ярцева. – Москва: Наука. – С. 5-15.
- Даниленко, В. П. (1988): Ономаσιологическое направление в истории грамматики // Вопросы языкознания, 3. – С. 108-131.
- Кароляк, С. (1997): Семантические и структурные аргументы в пользу единства вида и способов действия в рамках категории аспектуальности // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, т. 3, отв. ред. М. Ю. Черткова. – Москва: Изд. МГУ. – С. 50-67.
- КРГ (1989): Краткая русская грамматика, под ред. Н. Ю. Шведовой и В. В. Лопатина. – Москва: Русский язык. – 639 с.
- Мустайоки, А. (1993): Аспектуальные разряды положений вещей в функциональном синтаксисе // *Studia Slavica Finlandensia*, Tomus 10 (= *Studia slavica finlandensia in congressu XI slavistarum internationali bratislavae anno MCMXCIII oblata*). – Helsinki. – С. 63-91.
- Мустайоки, А. (1997): Возможна ли грамматика на семантической основе? // Вопросы языкознания, 3. – С. 15-25.
- Селиверстова, О. Н. (1982): Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикативных типов русского языка // Семантические типы предикатов, отв. ред. О. Н. Селиверстова. – Москва. – С. 86-157.
- ТФГ (1987): Теория функциональной грамматики: введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис / Отв. ред. А. В. Бондарко. – Ленинград: Наука. – 347 с.
- Томмола, Х. (1986): Аспектуальность в финском и русском языках. (= *Neuvostoliittotieteiden tutkimuslaitoksen vuosikirja* 28). – Helsinki: Neuvostoliittotieteiden tutkimuslaitos 1986. – 344 с.
- Томмола, Х. (1997): Ответ на аспектологическую анкету // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, т. 3, отв. ред. М. Ю. Черткова. – Москва: Изд. МГУ. – С. 205-208.
- Цеплинская, Ю. Э. (1997): К вопросу о виде как языковой универсалии // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, т. 3, отв. ред. М. Ю. Черткова. – Москва: Изд. МГУ. – С. 187-196.
- Шведова, Л. Н. (1984): Трудные случаи функционирования видов русского глагола. – Москва: Изд. МГУ. – 109 с.
- Шерба, Л. В. (1974): Языковая система и речевая деятельность. – Ленинград: Наука. – 427 с.
- Brecht, R. D. (1985): The form and function of aspect in Russian // *Issues in Russian Morphology*, ed. by M.D. Frier and R.D. Brecht. – Columbus, Ohio: Slavica. – С. 9-34.
- Chesterman, A. (1998): Contrastive Functional Analysis. (= *Pragmatics & Beyond, New Series* 47). – Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publ. Comp. – 230 p.

- Chvany, C. V. (1990): Verbal aspect, discourse saliency, and so-called "perfect of result" in modern Russian // *Verbal Aspect in Discourse* (= *Pragmatics and Beyond, New Series* 5), ed. by N.B. Thelin.– Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publ. Comp. – P. 213-235.
- Gabelentz, G. von der (1891): *Die Sprachwissenschaft, ihre Aufgaben, Methoden und bisherigen Ergebnisse*. – Leipzig: T.O. Weigel Nachfolger. – 502 p.
- Heinämaa, O. (1984): Aspect in Finnish // *Aspect Bound: a Voyage into the Realm of Germanic, Slavonic and Finno-Ugrian Aspektology*, ed by C. De Groot and H. Tommola. – Dordrecht: Foris Publ. – P. 153-177.
- Kangasmaa-Minn (1984): Tense, aspect and Aktionsarten in Finno-Ugrian // *Aspect Bound: a Voyage into the Realm of Germanic, Slavonic and Finno-Ugrian Aspektology*, ed by C. De Groot and H. Tommola. – Dordrecht: Foris Publ. – P. 77-93.
- Jespersen, O. (1924): *The Philosophy of Grammar*. – London : Allen & Unwin. – 359 p.
- Kučera, H. (1983): A semantic model of verbal aspect // *American Contribution to the Ninth International Congress of Slavists* (Eiev, September 1983), vol I: Linguistics, ed. by M.S. Flier. – Columbus, Ohio: Slavica. – P. 171-183.
- Lindstedt, J. (1985): On the Semantics of Tense and Aspect in Bulgarian. (= *Slavica Helsingensia* 4). – Helsinki: Department of Slavonic Languages. – 319 p.
- Mourelaitos, A. P. D. (1981): Events, processes, and states // *Syntax and Semantics 14: Tense and Aspect*, ed. by P.J. Tedeschi and A. Zaenen.– New York (etc.): Academic Press. – P. 191-212.
- Mustajoki, A. (1993). *Mielestä kieleen: kontrastiivisen funktionaalisen lauseopin teoriaa*. – Helsinki: Yliopistopaino. – 243 p.
- Scarborough-Exarhos, C. (1967): *Syntactic Reflection of Semantic Categorization in the English Verbal System* (unpublished Ph.D. dissertation). Brown University.
- Vendler, Z. *Linguistics in Philosophy*. – Ithaca, New York: Cornell University Press. – 203 p.

Arto Mustajoki (Helsinki)

Aspectuality in the Theory of Functional Syntax

In the research on aspectuality, it happens quite too often that linguists do not properly differentiate aspectuality as a general semantic category from aspectuality as a linguistic (formal) category of Slavonic languages. We are here not dealing with a minor terminological detail but rather with an important theoretical distinction, which has some obvious consequences: for one thing, verbal aspects can have non-aspectual meanings, and, secondly, aspectual meanings can be expressed by means other than verb aspects. The latter fact has been discussed in a couple of papers, but the first fact, the use of verb aspects in non-aspectual meanings, has not been systematically investigated in the linguistic literature. The aim of this paper is to shed some first thin streaks of light upon this question.

The theoretical background of this paper is the Theory of Functional Syntax (TFS) developed at the Slavonic and Baltic department of the University of Helsinki. TFS is a model for describing and comparing different languages "from meaning to form". The main goal here is to find a new fruitful combination of strong theoretical background and concrete practical applications.

Arto Mustajoki
University of Helsinki. P.O.Box 4, SI-00014 Helsinki
Tel./ fax: +358-9-19122986 /faks: +358-9-19122974
e-mail: arto.mustajoki@helsinki.fi